

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ.

Историческія судьбы Херсонеса представляютъ въ маломъ видѣ прошлое всего Крымскаго полуострова въ его характернѣйшихъ чертахъ. Начало ихъ вскрывается чужой легендою, и легенда эта связывается съ преданіемъ о троянской войнѣ. Дочь аргосскаго царя, знаменитаго предводителя грековъ Агамемнона, Ифигенія, обрекается на жертву оскорбленной богинѣ Артемидѣ; хитро-умный Одиссей обманомъ уводитъ ее отъ матери и въ вотчъ Ифигенія— въ гавани Авлидѣ, въ воинскомъ станѣ, и жрецъ Калхасъ заноситъ уже надъ нею ножъ... но шевельнулась жалость и въ сердцѣ строгой богини: Ифигенія, одѣтая облакомъ, переносится на далекій сѣверъ, а ударъ жертвеннаго ножа поражаетъ, вмѣсто нея, лань, которая чудеснымъ образомъ замѣнила царевну. Ифигенія — въ Крыму, въ Тавридѣ, обитаемой кровожадными, страшными дикарями таврами; она во власти царя тавровъ, Тоаса, оторванная отъ семьи, вдали отъ роднаго, сіяющаго радостью леба, вдали отъ яркаго, веселаго солнца, почти безъ надежды воротиться или хотя-бы свидѣться съ близкими. Всякаго грека, по несчастному случаю попадавшаго въ Крымъ, тавры предавали смерти, принося въ жертву какой-то богини. Ифигенію, однако, обошли. Она произвела такое обаяніе на свирѣпаго Тоаса, что онъ, сохранивъ ее жизнь, назначилъ даже жрицей богини. Воспитанная въ семейномъ кругу, кроткая Ифигенія всѣми силами души вооружилась противъ изуверства и старалась смягчить варваровъ... напрасно! Такъ тянулись годы; война съ троянцами кончилась; Агамемнонъ воротился домой и тамъ былъ убитъ; сынъ его, братъ Ифигеніи, Орестъ, не выпесъ насильственной смерти отца и отплатилъ за нее также убійствомъ. Запятанный преступленіемъ, мучимый угрызениями совѣсти, гонимый безжалостными эвменидами, онъ съ другомъ своимъ Пиладомъ по-

падасть въ Тавриду; по требованію боговъ, для того чтобы смягчить свое наказаніе, онъ долженъ вывезти оттуда ту самую статую богини, которой служить его несчастная сестра Ифигенія. Но вотъ они открыты таврами на морскомъ берегу, и сестра Ореста должна принести въ жертву и брата и его друга... Однако судьба выручила ихъ изъ этого страшнаго положенія: они покинули счастливо чужую варварскую страну и воротились на родину.

Промчались столѣтія, но далекій край не забывался неустрашимыми моряками греками. Черное море, прежде называвшееся негостепріимнымъ (и называвшееся такъ не безъ причины), съ теченіемъ времени въ понятіи ихъ явилось уже гостепріимнымъ (эвксинскимъ) моремъ. Въ VI и VII ст. до Р. Х. на крымскихъ берегахъ являются одна за другою греческія колоніи; не страшась варварскаго сосѣдства, греки твердой рукою водружаютъ въ крымскую почву знамя своей образованности; одна партія колонистовъ, вышедшая изъ г. Геракліи, основалась близь нынѣшняго Севастополя, на полуостровѣ, получившемъ названіе Гераклійскаго ¹⁾. Это поселеніе и названо было Херсонисъ или Херсонесъ. По преданію Херсонесъ основанъ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ когда-то давно Ифигенія служила жрицей таинственной богини, которая греками отождествлялась съ Артемидою и будто-бы даже храмъ ея долгое время былъ въ сохранности. Но мы не будемъ вдаваться въ безплодныя гаданія и смѣшивать легенду съ былію. Скажемъ прямо: не знаемъ, былъ-ли такой храмъ и что за народъ тавры,—не знаемъ, греки-ли познакомились съ культомъ Артемиды у тавровъ или тавры у грековъ; этого мало: при настоящемъ состояніи науки, не можемъ связать съ увѣренностью, почему Херсонесъ основанъ близь Тройной бухты, а не ближе къ балаклеевской или севастопольской, представляющихъ неизмѣримо больше удобствъ для мореходцевъ. На это ученые изслѣдованія отвѣчаютъ: колонистами руководили жрецы и выбрали мѣсто по религіознымъ побужденіямъ, близь храма Артемиды. Но почему-же такъ? Неужели же жрецы дѣйствительно водили грековъ какъ стадо, неужели сами жрецы, тоже греки, могли проглядѣть, что мѣсто мало удобно? неужели,

¹⁾ Гераклія политійская лежала на сѣверномъ берегу Малой Азіи, къ востоку отъ константинопольскаго пролива, и заселена выходцами изъ г. Мегари. Гераклійскій полуостровъ ограниченъ бухтами севастопольской и балаклавской.

наконецъ, пять столѣтій могли греки оставаться въ неудобномъ мѣстѣ прежде, чѣмъ выселились въ другое?...

Дѣло въ томъ, что отъ этихъ пяти столѣтій языческой жизни Херсонеса не осталось почти никакихъ слѣдовъ. Болѣе посчастливилось въ наукѣ изслѣдованію соперницы Херсонеса Пантикапеи, лежавшей въ керченскомъ проливѣ: тамъ можно прослѣдить интересное взаимодействіе культуръ греческо-іонійской и варварско-сарматской, вплоть до того момента, когда для первой пробилъ роковой часъ. Правда находили греческія издѣлія въ скиевскихъ могилахъ разныхъ мѣстностей юга Россіи, но какъ рѣшить: что изъ нихъ относится на долю Херсонеса, а что на долю другихъ колоній, хотя-бы Пантикапеи или Ольвіи? Думаемъ только, что не слѣдуетъ преувеличивать вліянія грековъ на южно-русскій варварскій міръ, а вліянія херсонитячь—въ особенности.

Приблизительно около пачала христіанской эры херсонитяне переселяются и занимаютъ мѣстность между теперешними Карантинной и Круглой бухтами, верстахъ въ трехъ отъ нынѣшняго Севастополя; какаѣ была причина этой перемѣны мѣста и выбора новаго, опять таки не знаемъ: карантинная бухта хотя и довольно обширна, но севастопольская куда-же лучше... Переселеніе совершилось не вдругъ, а происходило постепенно, при чемъ новый городъ строился изъ стараго матеріала, и вотъ почему отъ прежняго Херсонеса осталось такъ мало слѣдовъ, что самое мѣсто, гдѣ онъ находился, подвергалось спору.

Послѣднее столѣтіе языческой эры ознаменовалось въ исторіи Херсонеса не однимъ перенесеніемъ города на новое мѣсто. Оно вообще было временемъ серьезнаго кризиса, и кризисъ этотъ, незадолго до Р. Х., окончился утратою независимости Херсонеса. Полагать надо, что и раньше этого времени варварскіе сосѣди не оставляли Херсонеса въ покоѣ и что ему приходилось вести упорную борьбу съ ними. Для защиты отъ варваровъ, херсониты выстроили каменную стѣну, на протяженіи 8 верстъ, по перешейку между гаванями—севастопольской и балаклавской, отгородивъ этимъ Гераклійскій полуостровъ отъ крымскаго материка ¹⁾. Эта борьба съ варварами наполняетъ исторію Херсонеса и составляетъ характер-

¹⁾ Время построенія стѣны неизвѣстно.

вѣйшую черту ся. вмѣстѣ съ этимъ приходилось ему выносить соперничество другой греческой колоніи, столицы босфорскаго царства, сильной и богатой Пантикапеи. Соперничество дорійцевъ и іонійцевъ въ самой Греціи, породившее тамъ пелопонесскую войну, вызвавшее и развившее колонизацію, не забывалось и колонистами, и въ нашемъ Крыму происходили своего рода пелопонесскія войны; противники—херсониты и босооряне—заключали иногда перемиріе, даже помогали другъ другу, но камень за пазухой держали всегда. Въ первомъ столѣтіи до Р. Х. Херсонесу приходилось считаться съ царемъ скиеовъ, Скилуромъ. Въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, а именно у балаклавской бухты, построилъ онъ крѣпость и отсюда постоянно тревожилъ грековъ; херсониты, не въ состояніи будучи собственными средствами избавиться отъ нападенія Скилура, вынуждены были обратиться къ царю босфорскому, знаменитому Митридату. Тотъ охотно отправилъ войско подъ начальствомъ Діофанта, и Скилуръ былъ разбитъ, а скиоы прогнаны изъ Крыма. Но спасеніе было куплено для Херсонеса дорогой цѣной: Митридатъ оставилъ въ немъ свой гарнизонъ и назначилъ намѣстника; такимъ образомъ Херсонесъ лишился самостоятельности. Однако противъ Митридата пришли римляне; онъ былъ разбитъ, но и тутъ Херсонесъ не воротилъ своей свободы, а только перемѣнилъ зависимость, подпавъ власти Рима. Впрочемъ это было скорѣе покровительство Рима, чѣмъ полное подчиненіе. Херсониты имѣли свой собственный сенатъ и своихъ старшихъ или протевановъ; протеваны предѣлательствовали въ сенатѣ и командовали войсками; зависимость выражалась въ уплатѣ римлянамъ дани и въ содержаніи римскаго гарнизона. Зависимость эта пошла въ пользу Херсонеса. За одно съ Римомъ херсониты ведутъ войны съ варварами и басарями и весьма успѣшно. Такъ въ царствованіе Діоклитіана они разбили сарматовъ и заняли Пантикапею, а въ награду за это римляне освободили ихъ отъ налоговъ.

Къ этому времени относится разсказъ о поступкѣ одной херсонисской женщины, Гикіи, имя которой послѣ увѣковѣчено было статуями и дошло до времени императора Константина Багрянороднаго, который и записалъ преданіе о событіи. Одно время херсониты и босооряне заключили миръ. Для скрѣпленія мира херсониты рѣшили устроить свадьбу; сынъ босфорскаго царя женился на

Гикіи, дочери херсонисскаго протевана, обѣщавшись жить въ Херсонесѣ и не выѣзжать изъ него даже для свиданія съ отцемъ, иодъ страхомъ смертной казни. Вскорѣ послѣ свадьбы мужъ Гикіи произвелъ хитрый замыселъ; вслѣдствіе его письма изъ Пантикапеи, время отъ времени присылали подарки и для врученія ихъ приѣзжало каждый разъ человекъ по 10 босфорянь; передавъ подарки, посланцы выходили изъ города, а потомъ, дождавшись ночи, потайнымъ ходомъ проникали въ домъ его и оставались тамъ въ секретномъ помѣщеніи—въ подпольи. Года въ два накопилось ихъ до 200 человекъ, и мужъ Гикіи рѣшилъ наконецъ уничтожить городъ. Временемъ выполненія этого намѣренія избракъ былъ день поминокъ отца Гикіи, Ламаха, который умеръ скорѣ послѣ ихъ свадьбы. Подобные поминки справлялись въ Херсонесѣ чрезвычайно весело: жители пировали, веселились, плясали—даже на улицахъ, беспечное веселье и общее опьяненіе гражданъ должны были помочь заговору. Но къ счастью заговоръ былъ открытъ и случилось это слѣдующимъ образомъ. Служанка Гикіи, провинившаяся въ чемъ-то, была заперта въ особую комнату, подъ которой и помѣщались босфоряне. Запнямая въ заключеніи пряжей, служанка уронила веретено, оно докатилось до стѣны и застряло въ щели; желая вынуть его, она приподняла кирпичъ и увидала заговорщиковъ; прислушавшись къ ихъ разговорамъ, она узнала въ чемъ дѣло и тотчасъ рассказала объ открытіи госпожѣ; та позвала довѣренныхъ лицъ изъ гражданъ, передала имъ о замыслѣ мужа и просила ихъ, при помощи надежныхъ людей, ночью, въ день поминокъ, обложить ея домъ хворостомъ, облить хворостъ масломъ и потомъ зажечь. Назначенный день прошелъ такъ, какъ и слѣдовало; Гикія съ умысломъ выдала прислугѣ побольше вина, а сама не пила. Уложивъ спать своего мужа и убѣдившись, что онъ спитъ, она тихо вышла, заперла за нимъ дверь и приказала зажечь хворостъ, которымъ домъ ея былъ уже обложенъ. Хворостъ запылалъ, заговорщики спасались черезъ окно, но ихъ поражалъ народъ обступившій пожарнице. Такъ Гикія спасла Херсонесъ.

Варварскія нашествія не прекращались съ переходомъ Херсонеса подъ зависимость Рима. Крымскій полуостровъ представляетъ что-то въ родѣ стапціи, на которой непремѣнно останавливался всякій народъ въ своемъ движеніи изъ Азіи въ Европу, а

южная Россія съ ея равнинами, не представлявшими препятствій для передвиженія, можетъ быть названа по справедливости столбовой дорогой народовъ; благодатный климатъ Крыма, горная природа, дававшая возможность укрыться, а въ случаѣ нужды облегчавшая самозащиту, были причинами того, что эта станція обращалась въ ловушку и въ нее обязательно попадали всякій и задерживался иногда подолгу. Крупныя волны уходили дальше; имъ не было простора здѣсь, но осадокъ оставался всегда. Такимъ образомъ въ IV столѣтїи въ Крыму являются готы, въ V гунны, въ VII хозары... Всѣ эти народы причиняли вредъ и Херсонесу. Гунны даже держали его въ осадѣ, но взять не смогли. Наконецъ выступаютъ на сцену руссы и начинаютъ тревожить грековъ. Достойно вниманія косвенное упоминаніе объ этомъ въ договорѣ Игоря: а въ корсунской странѣ, сколько тамъ вы есть городовъ, не можетъ имѣть власти..., если русскіе увидятъ корсунскихъ рыбаковъ въ диѣпровскомъ устьи, то не должны имъ дѣлать зла; русскіе не имѣютъ права зимовать ни въ устьи Диѣпра въ Бѣлобережьи, ни у св. Еверія, а до того осенью возвратиться въ Русь; князь русскій обязывается не допускать нападений черныхъ болгаръ: „пакостятъ странѣ той“. Обѣщаніе не трогать корсунской страны повторяется и въ договорѣ Святослава.

Вопреки этимъ договорамъ, сынъ Святослава, Владиміръ, быть можетъ въ отместку за неудачи отца, произвелъ нашествіе, осадилъ Херсонесъ съ суши и съ моря и взялъ его. Такъ какъ это событіе связывается съ другимъ, несравненно болѣе важнымъ, а именно, съ припятіемъ христіанства, то своевременно сказать о распространеніи христіанства въ Херсонесѣ.

Впервые христіане появляются въ Херсонесѣ въ качествѣ ссыльныхъ. Сюда на работы въ каменоломни (своего рода каторжные работы) сосланъ при императорѣ Троянѣ епископъ Климентъ, и здѣсь, за распространеніе христіанства, брошенъ въ море и потопленъ; сюда-же, и также за сочувствіе христіанству, отправлена племянница императора Домиціана Флавія Домицилла; далѣе сосланъ при сынѣ Константина Великаго Константѣ епископъ Мартинъ, вслѣдствіе религіознаго несогласія съ строгимъ догматикомъ—императоромъ и др.

Впрочемъ, преданіе говоритъ, что Херсонесъ посѣтилъ апостоль Андрей, отсюда направившійся далѣе по Днѣпру. Что-же касается правильной христіанской проповѣди въ Херсонесѣ, то начало ея относится къ IV в. Наканунѣ обнародованія миланскаго эдикта, въ 310 году здѣсь трудятся Ефремъ и Василій и принимаютъ мученическую смерть за евангельскую проповѣдь. Также не имѣли успѣха и были замучены пріемники ихъ Евгений, Елпидій и Агаѳодоръ. Ко времени, слѣдовавшему за изданіемъ миланскаго эдикта, относятся труды св. Еоерія, которые нашли дѣятельную поддержку въ самомъ Константинѣ Великомъ; отправляясь въ Константинополь благодарить императора, св. Еоерій на пути былъ схваченъ язычниками и потопленъ. Преемникъ его, Капитонъ, имѣлъ болѣе успѣха; съ него начинается херсонесская епархія, и Корсунъ становится епископскимъ городомъ. Впрочемъ глухая борьба противъ христіанства продолжалась здѣсь долго, и только въ VI—VII ст. выпускается въ Херсонесѣ первая монета съ христіанскимъ знакомъ. Такимъ образомъ отдаленный Херсонесъ упоритѣ держался національной религіи, чѣмъ центры Имперіи, и сложилъ оружіе лишь за 2, за 3 столѣтія до крещенія Руси. Здѣсь, на далекой окраинѣ, въ непрерывной борьбѣ съ варварскимъ міромъ, въ борьбѣ съ грубыми дикарями, постоянно стучавшимися въ дверь и угрожавшими разрушеніемъ, болѣе образованные греки тверже, чѣмъ гдѣ-либо, сохранили увѣренность въ своемъ превосходствѣ, въ великихъ преимуществахъ своего великаго народа и крѣпче держались народныхъ особенностей и народной религіи; всякія уступки вели къ паденію, какъ и показала болѣе податливая іонійская Иантикапея, а между тѣмъ христіанство протягивало руку этимъ самымъ варварамъ, объявляя, что нѣсть эллинъ, ни скиѳъ, ни іудей... Сюда, въ Херсонесъ, эту византійскую Сибирь, прежде сослали христіанъ, какъ людей вредныхъ, сослали за это даже родственницу императора, а теперь хотѣли, чтобы онъ забылъ народность и принялъ проповѣдь о томъ, что и скиѳъ—тоже, что и грекъ, хотѣли, чтобы онъ забылъ свою исторію...

Какъ-бы то ни было, надо думать, что общее распространеніе христіанство получило въ Корсунѣ не ранѣе VII вѣка; но уже св. Кирилль, посѣтивъ Херсонесъ, нашелъ здѣсь священное писаніе, написанное по-славянски; не можемъ умолчать о догадкѣ проф.

Григоровича относительно того, что это-то и была такъ называемая кириллица, изобрѣтенная, по мнѣнію его, именно здѣсь, въ Корсуни, для международныхъ сношеній, такъ какъ онъ былъ городомъ, гдѣ сталкивались разнообразѣйшія и разноязычныя племена.

Теперь припомнимъ лѣтописный разсказъ о походѣ Владиміра и о крещеніи его.

Въ 988 году Владиміръ пошелъ на Корсунь; корсуныяне заговорились въ городѣ, а Владиміръ сталъ по ту сторону залива, на разстояніи выстрѣла; городъ сильно оборонялся, а Владиміръ обступилъ городъ; корсуныяне изнемогли въ осадѣ, а Владиміръ говорилъ имъ: „если не сдадитесь, буду стоять болѣе трехъ лѣтъ“, но они не слушали; Владиміръ снарядилъ воиновъ и велѣлъ возводить насыпь у города; но корсуныяне по ночамъ, когда тѣ спали, подкопомъ выходили изъ города, уносили землю и ссыпали ее среди города. Однажды въ станѣ Владиміра упала стрѣла, пущенная корсуныяниномъ Настасомъ, а на стрѣлѣ написано было: „за тобою, на востокѣ, есть водоемъ, изъ котораго по трубѣ идетъ вода въ городъ: перекопай водопроводъ“. Услыхавъ это, Владиміръ взглянулъ на небо и сказалъ: „если это сбудется, крещусь“, и повелѣлъ немедля копать поперекъ трубъ; воду переняли; корсуныяне изнемогли отъ жажды и сдались. Владиміръ вошелъ съ войскомъ въ городъ и послалъ къ императорамъ Василию и Константину съ такими словами: „вотъ я взялъ вашъ славный городъ; я слышалъ, что у васъ есть сестра дѣвушка; если не отдадите ее за меня, и съ вашимъ городомъ будетъ тоже, что съ этимъ“. При этомъ извѣстїи, императоры опечалились и отвѣчали: „не достойтъ христіанку отдавать за язычника; если крестишься, и ее получишь, и царство небесное, если-же не хочешь сотворить этого, не можемъ отдать за тебя своей сестры“. На это Владиміръ сказалъ посланнымъ: „скажите императорамъ, что крещусь; я раньше сихъ дней хорошо узналъ законъ вашъ, и любя мнѣ вѣра ваша и служеніе“. Императоры были рады услышать такой отвѣтъ и послали къ сестрѣ съ извѣстіемъ, что Владиміръ проситъ ее выйти за него. Она отвѣчала: „не хочу я за язычника идти“, но они возражали: „если ради тебя обратитъ его Господь, и ты просвѣтитъ его и землю русскую, а насъ и городъ нашъ избавишь отъ плѣбненій, то получишь себя вѣнецъ отъ Бога“. И упросили сестру свою Анну, и послали къ

Владиміру сказать ему: „крестись, и тогда пришлемъ сестру къ тебѣ“. Владиміръ отвѣчалъ: „присылайте сестру и тогда крестите меня“. Императоры согласились, послали сестру, нѣсколько сановниковъ и пресвитеровъ. А она не хотѣла идти: „какъ въ полонѣ, говорить, иду; лучше-бы умереть здѣсь“. Но братья уговаривали ее: „черезъ тебя Богъ обратитъ русскую землю къ покаянію, а греческую землю ты избавишь отъ лютой рати; видишь-ли, сколько зла сдѣлала Русь грекамъ? А теперь если не пойдешь, то же сдѣлаютъ и намъ“. Оба брата плакали, глядя на нее и видя ее въ уныніи и печали, и едва могли уговорить ее. Сѣвъ на корабль и поцѣловавъ со слезами родственниковъ, отправилась она въ путь. Прибыла въ Корсунь; корсуняне вышли съ привѣтствіями, ввели ее въ городъ и отвели для нея дворецъ. Въ это время Владиміръ заболѣлъ глазами и ослѣпъ; горевалъ сильно, не зная, что и дѣлать; а царица послала сказать: „если хочешь позбыть болѣзни, скорѣе крестись, иначе не избыть тебѣ болѣзни“. Владиміръ, услыжавъ это, сказали: „если это будетъ подлинно такъ, то истиннѣ великъ Богъ христіанскій“, и велѣлъ крестить себя. Огласивъ его, епископъ корсунскій съ священниками царицы, крестилъ его и, когда возложилъ руки на него, вдругъ Владиміръ прозрѣлъ. При такомъ внезапномъ исцѣвленіи онъ прославилъ Бога и сказалъ: „въ первый разъ узналъ я Бога истиннаго“. Увидавъ это, крестились многіе изъ дружины его. Крестился Владиміръ въ церкви св. Василія, которая стоитъ посреди города, на торговой площади; дворецъ Владиміра, рядомъ съ церковью, цѣлъ и по сей день (говорить лѣтописецъ), а дворецъ царицы—за олтаремъ. Послѣ крещенія Владиміръ женился на Аннѣ. Роздана была большая милостыня убогимъ, нищимъ, странникамъ, сиротамъ и вдовамъ; по улицамъ ставили сосуды съ виномъ и медомъ, варево (перевары), мясо, рыбу и всякіе овощи: кто чего хотѣлъ, безъ всякихъ препятствій насыщался. Послѣ свадьбы, Владиміръ взялъ царицу, Настасу и священниковъ корсунскихъ съ мощами Климента и Фива, ученика его, взялъ церковные сосуды и иконы и возвратился въ Кіевъ. Передъ отъѣздомъ онъ поставилъ церковь Іоанна Предтечи въ Корсунѣ, на горѣ, гдѣ ссыпали землю, унося съ насыпи; церковь эта цѣла и до сего дня, прибавляетъ лѣтописецъ. Покидая Корсунь, Владиміръ взялъ двѣ мѣдныхъ статуи и четыре мѣдныхъ коня, они

и ишѣ (замѣчаетъ лѣтописецъ) стоять за св. Богородицею въ Кіевѣ, и несвѣдущіе считаютъ ихъ мраморными. Корсунь отдалъ Владиміръ грекамъ, какъ вѣно за царицу. По возвращеніи въ Кіевъ, Настасъ и другіе корсунскіе священники стали служить въ церкви Богородицы, такъ называемой Десятинной, въ которую поступили сосуды, иконы и кресты, привезенные изъ Корсуна.

И такъ съ именемъ Херсонеса соединяются въ исторіи Россіи самыя высокія воспоминанія о принятіи христіанства, а съ нимъ— искусства, а, можетъ быть, также и грамоты. Борець и защитникъ цивилизаціи, онъ сослужилъ для нея историческую службу, ставши крестнымъ отцомъ великаго народа, усыновилъ его въ семьѣ народовъ культурныхъ.

Но замѣчательно, что именно этотъ моментъ, когда Корсунь и Византія дали свое благословеніе молодому народу на новую жизнь, для нихъ самихъ былъ началомъ упадка; старыя мѣха не вмѣщали новаго вина. Автономіи Корсуна пробилъ часъ еще въ IX в., когда императоръ Теофилъ, вмѣсто выборныхъ протевановъ, которыми Херсонесъ управлялся доселѣ, опредѣлилъ туда своихъ стратеговъ. Хотя вмѣстѣ съ этимъ Херсонесу дано было первенство надъ другими крымскими городами, но съ этого времени плохо онъ уживается со старой, брюзгливой Византіей. Торговое соперничество съ другими городами становится для Херсонеса затруднительнымъ. Херсониты жалуются своему патрону Константинополю, что Судагъ отбиваетъ торговые обороты, проситъ монополіи, облегченія налоговъ, но тамъ отказываютъ; тогда Корсунь поднимаетъ возстаніе, пользуясь тѣмъ, что императоръ Михайль Дука велъ войну съ болгарами; по просьбѣ императора, русскіе князья Владиміръ Мономахъ и Глѣбъ Святославичъ идутъ усмирять корсунцевъ, но извѣстившись о смерти его, возвращаются домой (1078 г.). Корсунцы отомстили русскимъ, захвативъ ихъ купеческіе корабли; Владиміръ Мономахъ съ Давидомъ Игоровичемъ и Ярославомъ Ярополковичемъ предпринялъ новый походъ, близъ Феодосіи разбилъ корсунянь, заставилъ возвратити корабли и уплатити убытки (1095 г.). На слѣдующій годъ Корсунь снова возсталъ противъ Византіи, выставивъ своего претендента на императорскій престолъ, какого-то солдата Діогена. Съ этимъ Діогеномъ отправились въ Константинополь цоловцы, но были разбиты и выдали его.

Своимъ чередомъ продолжались нашествія варваровъ: печенѣговъ, половцевъ и наконецъ явились татары и надолго осѣли въ Крыму.

Въ это же самое время, въ XIII ст. возникаютъ въ Крыму генуэзскія колоніи и мало по-малу высасываютъ послѣдніе соки изъ Херсонеса. Кафа, прежняя Осодосія, вмѣстѣ съ Судакомъ, становятся господами черноморской торговли и наконецъ запираютъ грекамъ самый входъ въ Черное море, которое теперь въ другой разъ становится для нихъ негостеприимнымъ, аксипскимъ моремъ. Такъ исчезали послѣдніе признаки жизни у стараго Херсонеса, и во время нашествія турокъ онъ уже такъ былъ малолюднъ, что, появившись здѣсь, новые пришельцы ограничились расхищеніемъ его дорогихъ памятниковъ, которыми воспользовались для построекъ въ Константинополѣ.

Столѣтіе спустя, а именно въ 1578 г. посоль Стефана Баторія, Мартинъ Бровевскій напелъ Херсонесъ въ развалинахъ. „Достойныя удивленія его развалины очень явно свидѣтельствуютъ, говоритъ онъ въ своемъ „Описаніи Крыма“, что это былъ нѣкогда великолѣбный, богатый и славный городъ грековъ, древнѣйшій на полуостровѣ, многолюдный и знаменитый своей отличной пристанью (sic)“. „У самыхъ стѣнъ города видны водопроводы, которые за четыре мили посредствомъ подземныхъ трубъ, высѣченныхъ изъ камня, проводили воду въ городъ; въ нихъ и теперь еще есть вода, очень чистая“¹⁾. „Этотъ городъ уже не только много лѣтъ, но много вѣковъ стоитъ пустъ и необитаемъ и представляетъ одиѣ развалины и опустошеніе... Царскій дворецъ видѣнъ... съ огромными стѣнами, башнями и великолѣбными воротами; но прекрасныя колонны изъ мрамора и серпентина, которыхъ мѣста и теперь еще внутри видны, и огромные камни были взяты турками... не видно и слѣдовъ ни храмовъ, ни зданій; дома города лежатъ въ прахѣ и сравнены съ землей; большой греческій монастырь остался въ городѣ; стѣны храма еще стоятъ, но безъ кровли..., русскіе и польскіе лѣтописцы говорятъ, что какіе-то греки, взявши изъ этого монастыря двое

¹⁾ Трубы глиняныя, а не каменныя, какъ ошибочно пишетъ Бровевскій; различныя ихъ хранятся въ христіанскомъ музеѣ, въ херсонесскомъ монастырѣ; работа замѣчательная по прочности: хотя сейчасъ закапывай слова, я онѣ прослужатъ еще лпшнее тысячелѣтіе...

дверей изъ коринтской мѣди, которыя православные греки называютъ царскими вратами, также и лучшіе образа, отвезли все это въ добычу къ Владиміру, великому князю русскому или кіевскому, и что будто потомъ Болеславъ второй, король польскій, перенесъ ихъ изъ Кіева въ Глѣзно, гдѣ и теперь еще ихъ можно видѣть у входа въ большую церковь ¹⁾.

Еще болѣе печальныя развалины представлялъ Херсонесъ во время посѣщенія его Палласомъ (1793—1794 г.). За 10 лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1783 г. Крымъ присоединенъ былъ къ Россіи и въ томъ-же году, въ трехъ верстахъ отъ развалинъ Корсуна, заложенъ Севастополь. Появленіе новаго города дорого стоило Херсонесу, изъ котораго брали въ изобиліи и возили камень, пригодный для построекъ. Такимъ образомъ разрушеніе давало соки для жизни, зарождавшейся вновь. Но исторіи не было легче отъ этого. „Постройка Ахтіара (Севастополя), пишетъ Палласъ, была причиною уничтоженія этого древняго города. Прекрасныя квадеры были выкопаны даже изъ фундаментовъ за тѣмъ, чтобы строить изъ нихъ въ Ахтіарѣ дома; даже не было снято съ древняго города ни одного рисунка, ни одного сноснаго плана; по крайней мѣрѣ (замѣчаетъ Палласъ) таковыя неизвѣстны... Что въ этомъ городѣ было больше великолѣпія, чѣмъ въ старомъ Херсонесѣ, говоритъ онъ далѣе, доказываетъ тѣмъ, что изъ него вывезена прекрасная мраморная капитель колонны свѣтло-сѣраго цвѣта коринтскаго ордена..., въ этихъ развалинахъ находили также много обработаннаго мрамора, привозимаго сюда съ Бѣлаго моря (Архипелага)“. Площадь, занимаемую окружностью городскихъ стѣнъ, Палласъ опредѣляетъ въ 70—80 тыс. квад. саж. „Расположеніе улицъ и домовъ, замѣчаетъ онъ, различить болѣе нельзя, потому что при добываніи тесаныхъ камней все было разрушено, перерыто и завалено“. „Что городъ снабжался водою посредствомъ водопроводовъ, читаемъ мы далѣе, это доказываетъ находящееся, менѣе чѣмъ въ одной верстѣ отъ города, восьми-угольное зданіе, нынѣ разрушенное. Въ одномъ изъ угловъ этого зданія можно спуститься въ отверстіе, аршинъ на 5 внизъ, и тамъ найти очень узкій, обращенный къ востоку подземный

¹⁾ «Записки од. общ. ист. и др.», VI т., 1867 г. Извѣстіе о похищеніи бронзовыхъ дверей относится, вѣроятно все, къ Болеславу I. Храбромъ.

ходъ въ 15 саж. длины, при концѣ котораго находится родъ колодезя, въ нѣсколько футовъ глубины, гдѣ вытекаетъ чистая вода, переливается ко входу и затѣмъ теряется; за этимъ колодцемъ замѣтны еще два хода, изъ которыхъ одинъ совсѣмъ засыпанъ, другой идетъ далѣе. Все это, заключаетъ ученый путешественникъ, повидиму показываетъ, что указанные остатки представляютъ развалины подземнаго водопровода“¹⁾.

Въ 1827 г. найдены и самыя водопроводныя трубы; найдены онѣ въ двухъ мѣстахъ: на востокъ отъ развалинъ, на хуторахъ Панютина, Валявскаго и Рача, и въ восточной части города, на глубинѣ 4 футовъ. Главный источникъ, изъ котораго проведена была вода, находится верстахъ въ 8 къ юго-востоку отъ Херсонеса²⁾, стало быть, согласно съ указаніемъ лѣтописи.

До послѣдняго времени открытія и раскопки въ Херсонесѣ производились безъ опредѣленнаго плана, любителями. Изъ отчетовъ одес. общ. истор. и древ. узнаемъ, что до 1835 г. производилъ раскопки лейтенантъ флота кн. Барятинскій. Въ 1853 году гр. А. С. Уваровъ открылъ великолѣпную, интересную базилику, въ сѣверной части города, на морскомъ берегу. Извѣстно, что базилика представляетъ, послѣ пещерныхъ церквей, самую раннюю форму христіанскаго храма, и что она заимствована христіанами прямо изъ языческаго искусства, представляя собою полное подобіе зданій, служившихъ для отправленія правосудія. Всякая базилика языческая и христіанская имѣетъ въ основаніи удлиненный четырехугольникъ и двумя рядами колоннъ раздѣляется на три продольныя части: среднюю, или корабль (нефъ) и боковыя галлерси; потолокъ плоскій; въ восточной части христіанскія базилики снабжены полукруглымъ выступомъ (абсида). Открытая гр. Уваровымъ базилика имѣетъ 16 саженой длины и 10 ширины, передъ входомъ въ самую церковь два притвора для оглашенныхъ и для кающихся. Полъ средняго нефа и алтаря вымощенъ мраморомъ, въ боковыхъ галлерейхъ— мозаичный. Средній нефъ отдѣляется отъ боковыхъ галлерей двумя рядами колоннъ, по 11 въ каждомъ. Капители нѣкоторыхъ

¹⁾ «Зап. од. общ. ист. в др. XII, 1881 г.»; описаніе колодца Палласа напоминаетъ «колодезя», который указывалъ «перенять» Настась Владиміру.

²⁾ Аркасъ, Опис. вракл. нам. въ «Зап. од. общ. ист. в др.», т. II, 1848 г.

изъ нихъ относятся къ лучшей порѣ античнаго искусства, а иныя—византійскаго стила, т. е. по сторонамъ представляютъ опрокинутыя трапеціи, съ крестами на нихъ. На самыхъ колоннахъ найдены надписи и также кресты. Алтарный помостъ, оканчивавшійся солею, возвышался на одну ступень надъ уровнемъ пола. Передъ солею—амвонъ, съ колоннами по бокамъ и съ мраморными плитами между ними. Икопостась, состоявшій изъ такихъ-же плитъ, вставленныхъ между колоннами, былъ не выше двухъ аршинъ. Изъ надписей, открытыхъ гр. Уваровымъ въ базиликѣ, особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ одна; она находится на карнизѣ изъ дикаго камня; карнизъ былъ вдѣланъ въ стѣну; въ ней упоминается о какомъ-то гражданинѣ Мокіаріѣ, который пожертвовалъ 3000 динаріевъ на постройку храма Афродиты. Такимъ образомъ, изъ остатковъ языческаго храма, строился новый христіанскій. Неправильное правоисаніе надписи послужило основаніемъ для отнесенія ея къ II—III в. христіанской эры. Что-же касается времени постройки самой базилики, то по найденнымъ въ ней монетамъ, гр. Уваровъ относитъ ее къ царствованію Константина Великаго, а извѣстно, какъ мало изъ этой эпохи уцѣлѣло подобныхъ памятниковъ¹⁾...

Крымская кампанія послужила новымъ несчастіемъ и для развалинъ Херсонеса. Между дѣломъ французы занимались расчищеніемъ памятниковъ его, и многіе изъ нихъ увезены въ Парижъ. Но велѣдъ затѣмъ раскопки Херсонеса оживляются и наконецъ дѣло это организуется правильнымъ образомъ. Главное вниманіе при раскопкахъ обращалось на храмы, которыхъ въ Корсуни было очень много. Между прочимъ расчищенъ фундаментъ одного храма, описаннаго путешественниками раньше, а также площадь вокругъ храма. Положеніе его посреди города, на площади, украшенной, какъ оказалось, многими церквями и общественными зданіями сближало интересныя развалины съ лѣтописнымъ храмомъ св. Василия и связывало ихъ съ драгоцѣнными воспоминаніями о крещеніи св. Владиміра. Въ семидесятыхъ годахъ за дѣло раскопокъ взялось Одесское Общество исторіи и древностей при денежномъ пособіи

¹⁾ Гр. Уваровъ, «Иск. словъ объ археолог. разск. бл. Сямферополя и Севастополя». Преплел. IV. 1854 г.

святѣйшаго сипода, сначала въ размѣрѣ 500 р., а потомъ 1000 р. въ годъ. Трудъ непосредственнаго постояннаго надзора за раскопками взялъ на себя іеромонахъ Андрей, завѣдывавшій тогда херсонскимъ монастыремъ, а для указанія и руководства приѣзжалъ по временамъ вице-президентъ общества, г. Мурзакевичъ. Изъ монументальныхъ памятниковъ, открытыхъ вновь, преимущественное вниманіе обращали на себя опять таки церкви—то въ формѣ базилика, то въ византійскомъ стилѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены отличные мозаиковые полы, но что касается стѣнъ, то живописныя и мозаиковыя украшенія ихъ почти совершенно пропали для науки, что очень жаль, такъ какъ извѣстно, что въ дѣлѣ живописи Корсунь имѣлъ весьма замѣтное вліяніе на Русь, и до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ Россіи сохранилось довольное число икопъ корсунскаго письма. Найденныя мозаики представляютъ сочетаніе геометрическихъ фигуръ и кресты, а изъ цвѣтовъ чаще другихъ повторяются черный, бѣлый и красный. Нѣтъ сомнѣнія, что неизмѣримо важнѣе для исторіи искусства были-бы мозаики стѣнныя, но придется подождать, пока онѣ будутъ открыты. Этотъ родъ искусства пришелся какъ нельзя болѣе по вкусу художникамъ греческаго вѣроисповѣданія, отлично отвѣчая требованіямъ роскоши и прочности; строгая красота кіевскихъ мозаикъ заставляетъ желать еще настойчивѣе, чтобы и въ Корсуні были открыты памятники этого рода, такъ какъ по времени они могутъ относиться къ лучшей порѣ православнаго искусства.

Замѣчательно, что большинство открытыхъ храмовъ сложено изъ матеріаловъ, бывшихъ ранѣе въ употребленіи; стѣны ихъ сложены изъ обломковъ колоннъ и капителей (иногда съ надписями), изъ камней, носящихъ слѣды желѣзныхъ скрѣпъ, черепицы даже; бокъ - о - бокъ съ такими почтенными, историческими инвалидами нашли себѣ мѣсто простые кругляки и щебень; иногда все это скрѣплено отличнымъ цементомъ, но чаще сложено на сухо, какъ попало...

Помимо церквей, разрыты также и жилья, и хозяйственныя помѣщенія; въ погребяхъ найдены запасы хлѣбнаго зерна и рыбы, сушеной и истолченной въ порошокъ; многое множество цистернъ, помимо отличнаго водопровода съ колодцами, свидѣтельствуютъ о чисто античной любви херсонитянъ къ свѣжей, здоровой водѣ. Ин-

тересно, что младшій преемникъ Херсонеса, Севастополь, открылъ водопроводъ только два года назадъ...

Изъ мелкихъ вещей находимы были въ Херсонесѣ мѣдные складные кресты, кадильницы, подсвѣчники, ручныя кольца—мѣдная и стеклянная посуда и наконецъ монеты. Изъ надписей особенно важна открытая въ 1878 г. близъ Карантинной бухты, на мраморномъ камнѣ, служившемъ подножіемъ мѣдной статуи полководцу Діофанту, разбившему скиѣскаго царя Скилура. Въ особенности историческая географія почерпнула изъ нея много весьма цѣнныхъ данныхъ.

Многочисленныя расхищенія памятниковъ, продолжавшіяся и въ послѣднее время, вызвали мысль объ основаніи при херсонесскомъ монастырѣ „Христіанскаго Музея“. Мысль эта нашла сочувствіе въ свѣтѣйшемъ синодѣ и въ частныхъ лицахъ, оказавшихъ посильное пособіе для ея осуществленія. Президентъ одесскаго общества исторій и древностей С. М. Воронцовъ пожертвовалъ музею важную для науки надпись V в., времени императора Зенона, пожаловавшаго Херсонесу значительную сумму денегъ на поддержаніе городской стѣны. Въ настоящее время „Христіанскій Музей“ есть существующій фактъ.

Изъ Севастополя въ херсонесскій монастырь считаютъ версты три. Можно отправляться или берегомъ, или на лодкѣ, если кто не боится качки. Около монастырскихъ береговъ и при выходѣ изъ севастопольскаго рейда прибой иногда бываетъ очень сильный. Море сорвало и поглотило довольное число развалинъ. Сидя на морскомъ берегу, на развалинахъ, и слушая, съ какимъ громомъ разбивались волны, я невольно задавался вопросомъ о томъ, на сколько успѣшно подвигается разрушительная работа моря? Берегъ известковый, мягкій, и обвалившіяся древнія стѣны свидѣтельствуютъ, что море не знаетъ усталости. Въ самомъ дѣлѣ, не на самомъ же берегу строилась обширная базилика, открытая гр. Уваровымъ, а между тѣмъ алтарная стѣна не существуетъ болѣе. Затѣмъ, надо думать, городская стѣна окружала когда-то городъ и съ моря, такъ какъ теперь окружаетъ она развалины съ суши: гдѣ она? Наконецъ интересовало меня слѣдующее обстоятельство. Въ двухъ мѣстахъ на морскомъ берегу существуютъ остатки древнихъ лѣстницъ, и на планахъ развалинъ ученые надписываютъ въ этихъ мѣ-

стахъ: „приставъ“; но какая-же пристань—въ открытомъ морѣ? Почему-же она не въ Карантинной бухтѣ, по берегу которой открыты только одни кладбища?.. Думается невольно, что геологія могла-бы сказать кое-что интересное и для исторіи...

Городскія стѣны во многихъ мѣстахъ сохранились отлично; балши—хуже. Стѣны сложены на цементѣ, изъ такого-же сборнаго матеріала, что и въ городскихъ постройкахъ. Въ иныхъ мѣстахъ высота ихъ доходитъ до 4 сажень, а толщина превышаетъ сажень.

Входъ въ монастырь—съ южной стороны; пройдя монастырскій дворъ, входимъ въ садикъ, главная аллея котораго обставлена колоннами и разнаго рода фрагментами. Раскопки производятся въ сѣверной части города. Груды камня сразу бросаются въ глаза, какъ только выйдешь изъ сада, а надъ ними возвышается прекрасный, новый храмъ св. Владимира, заключающій развалины того храма, въ которомъ, судя по обстоятельствамъ, крестился Владимиръ Святой. Планъ развалинъ этого храма—византийскій, крестообразный, съ абсидою въ олтарной стѣнѣ; кладка—такая-же, какъ и всюду здѣсь: остатки античныхъ колоннъ (съ каннелюрами), огромные камни, съ выдолбами для желѣзныхъ связокъ и т. п. По срединѣ развалинъ найдена купель, но она была въ такомъ печальномъ состояніи, что ее вздумали обновить.

Обокъ съ этой церковью, на право—другая, за олтаремъ—еще... Далѣе слѣдуетъ улица, пересѣкающая городъ отъ юга къ сѣверу. Ширина ея вездѣ ровная—3 сажени; на равныхъ разстояніяхъ пересѣкаютъ ее переулки разной широты: въ сажень, 2 аршина и даже въ 1 аршинъ. На сѣверѣ улица эта упирается въ Уваровскую базилику.

Расхищены многія зданія, выходящія на эту улицу и по сѣдству съ ней. Жилища тѣсны, складены до крайности плохо, на сухо; стѣны тонки и, что всего удивительнѣе, въ пѣкоторыхъ комнатахъ не достаетъ дверей, а оконъ почти нигдѣ нѣтъ слѣдовъ: можетъ быть въ нижнемъ этажѣ помѣщались кладовыя, и ходъ былъ особый, хотя рѣшительно не понятно, какимъ образомъ могло держаться два этажа, сложенные, какъ дѣтская постройка. Въ церквяхъ и даже по улицамъ много гробницъ, весьма не глубокихъ, и многія съ костями; снаружи онѣ заваливались

камнемъ и заливались известкой; довольное число маленькихъ погребальницъ: тѣсное зданіе, въ сажень квадратную величиной, и три или четыре гробницы въ немъ. Къ западу отъ главной улицы есть развалины нѣсколькихъ базиликъ, и одна изъ нихъ, которую въ монастырѣ называютъ церковью св. Климента, сажень 20 длины. Неподалеку отъ нея интересная крещальня, построенная въ видѣ звѣзды, изъ хорошаго матеріала и на такомъ цементѣ, что стѣны сохранились въ сажень высоты, тогда какъ въ другихъ зданіяхъ онѣ рѣдко достигаютъ 2 аршинъ; на стѣнахъ замѣтны слѣды штукатурки и краски; въ полу, по срединѣ—купель; въ стѣнѣ, на лѣво отъ входа—ниша, направо—гробницы.

Сказать правду, впечатлѣнія развалинъ Херсонеса не вяжутся съ представленіемъ о его богатствѣ и роскоши. Эти обломки стараго матеріала, этотъ булыжникъ и щебень, едва слѣпленные и готовые повалиться отъ перваго толчка, имѣютъ какой-то цемящій жалобный видъ. Эти мертвые тысячелѣтніе камни говорятъ не о жизни полной силы, а о старческомъ истощеніи, о судорожныхъ усиліяхъ жить; не чувствуешь дыханія жизни, а предсмертный вздохъ. Не знаю, чудилось мнѣ, или на яву такъ было, но въ этихъ развалинахъ я обоняю запахъ смерти, и не то, чтобы прямо трупный запахъ, а такъ какой-то почти духовный, археологическій.

Но выѣзжая изъ Херсонеса въ послѣдній разъ, я покидала его съ уваженіемъ. Какъ угодно, а воспоминанія великія, и, по нашему, прошлое Херсонеса—болѣе почтенное, чѣмъ очень многихъ западныхъ городовъ, которые усердно посѣщаются туристами...

На западѣ Европы много полуострововъ и гнѣздъ разнаго рода; она представляетъ отдаленную, но благородную цѣль исканія народовъ. Отъ того исторія запада началась ранѣе, чѣмъ исторія востока. Удобныя границы, данныя природой, облегчали западнымъ народамъ самозащиту, и населеніе западно-европейскихъ областей проще по своему составу, устойчивѣе и крѣпче къ землѣ по привычкамъ; этимъ до нельзя облегчалось дѣло цивилизаціи и въ особенности дѣло культурнаго наслѣдованія. Наслѣдованіе на востокѣ не то: Россія по обширности своей территоріи и равнинности ея, по недостатку естественныхъ границъ съ Азіей и западомъ и по близкому сосѣдству съ первой—стала поприщемъ, гдѣ броженіе продолжалось гораздо дольше, гдѣ этнографическое разнообразіе

доходило (и доходить) до максимума; процессъ сліянія народности не конченъ здѣсь еще доселѣ и не извѣстно, когда онъ будетъ оконченъ; процессъ заселенія территоріи—также не совсѣмъ законченъ, а бродяжничество продолжалось до послѣдняго времени. Отсюда видно, сколько надо было грекамъ имѣть вѣры въ силу своей цивилизаціи и сколько смѣлости, для того, чтобы основаться на берегу Чернаго моря и въ виду неустаяннаго броженія и варварства выстоять два тысячелѣтія, выстоять до послѣдняго издыханія...

Но античная цивилизація, національно-исключительная по своему характеру, успѣвъ побѣдить болѣе простое по составу населеніе запада Европы, оказалась слабою для того, чтобы остановить броженіе и ассимилировать народы на востокѣ. Здѣсь наиболѣе нужна была для дѣла прогресса религія космополитическая, какою и явилось христіанство. На такомъ историческомъ перепутьи, какова Россія, если и могло основаться государство, то не иначе, какъ на христіанскомъ началѣ: „нѣсть эллинъ, ни скиѣцъ, ни іудей“...

Елисаветградъ.

В. Ястребовъ.

3 марта, 1883 г.